УДК 93

DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/2-157-164

ХАРИНА Наталья Сергеевна
Югорский государственный университет
г. Ханты-Мансийск, Россия
HaNaSe83@yandex.ru

Natalya S. KHARINA
Yugra State University
Khanty-Mansiysk, Russia
HaNaSe83@yandex.ru

**СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ХОЗЯЙСТВЕННО-
БЫТОВОЙ ЖИЗНИ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ НА
ТЕРРИТОРИИ ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО
АВТОНОМНОГО ОКРУГА - ЮГРЫ**

**SOCIAL ASPECTS OF ECONOMIC AND
HOUSEHOLD LIFE OF SPECIAL EMPLOYERS IN
THE TERRITORY OF KHANTY-MANSIYSK
AUTONOMOUS OKRUG - YUGRA**

Данная проблема, в связи с изменением научно-го ракурса, достаточно активно рассматривается в исторической науке. В статье на основе анализа архивных документов дается анализ хозяйственно-бытового обустройства спецпереселенцев на территории Ханты-Мансийского автономного округа - Югры. Выявлены основные проблемы, с которыми сталкивались спецпереселенцы данного региона. Реконструированы социально-бытовые условия проживания спецпереселенцев. Рассмотрены жилищные условия, медицинское обслуживание, условия питания и представлена повседневная жизнь. На основе исследуемых материалов показано отношение спецпереселенцев к новым условиям жизни и местной власти к данной категории населения. Многочисленные документы свидетельствуют о невыносимо тяжелой жизни спецпереселенцев. Следует отметить, что местные власти не всегда могли выполнить планы по хозяйственно-бытовому обустройству спецпереселенцев: в непривычных для них суровых климатических условиях, при отсутствии необходимых материалов им приходилось самим себе строить жилье. Спецпереселенцам не хватало продовольствия и одежды, повсеместно не соблюдались санитарные требования и др. Отмечается вклад спецпереселенцев в экономическое развитие региона. Особую роль сыграли спецпереселенцы в росте сельскохозяйственного производства: знание основ агротехники, навыки и опыт ведения хозяйства были быстро переняты местным населением.

This problem due to the change of perspective is actively considered in historical science. In the article, based on analysis of the archive documents is given the analysis of the household arrangement of the special settlers on the territory of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug - Yugra. The main problems faced by special settlers in this region were identified. Social and living conditions of special settlers have been reconstructed. Housing conditions, medical care, food conditions were considered and daily life was presented. Based on the studied materials the attitude of special settlers to the new living conditions and the attitude of the local authorities to this category of population were shown. Numerous documents testify to unbearably hard life of the special settlers. It should be noted that the local authorities were not always able to fulfill the plans for the economic and household arrangement of special settlers: in unusual for them harsh climatic conditions, in the absence of the necessary materials, they had to build their own homes. Special settlers did not have enough food and clothing, sanitary requirements were not complied everywhere, etc. The contribution of special settlers to the economic development of the region is noted. A special role was played by special settlers in the growth of agricultural production: knowledge of the basics of agricultural technology, skills and experience of farming were quickly adopted by the local population.

Ключевые слова: спецпоселение, спецпереселенцы, повседневная жизнь, спецкомендатура, барак, стройучастки, спецссылка, леспромхоз, рыбозавод, промфинплан

Key words: special settlement, special settlers, daily life, special commandant's office, barrack, construction sites, special exile, forestry, fish factory, industrial financial plan

Для цитирования: Харина Н.С. Социальные аспекты хозяйственно-бытовой жизни спецпереселенцев на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2018. Том. 10. № 5 -2 . с. 157-164.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/2-157-164.

For citation: Kharina N.S. Social aspects of economic and household life of special employers in the territory of Khanty-Mansiysk autonomous okrug – Yugra. *Historical and Social-Educational Idea*. 2018. Vol. 10. No. 5-2. Pp. 157-164.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/2-157-164.
(in Russ)

Благодарность. Статья публикуется в рамках гранта РФФИ «Роль принудительных миграций 30-50-х гг. XX века в социально-политическом и экономическом развитии Ханты-Мансийского автономного округа-Югры» (проект № 17-11-86005 - ОГН от 15.03.2017)

Acknowledgement. The article is published in the framework of RFFR grant "The Role of Forced Migration in the 30-50-ies of 20th Century in the Socio-Political and Economic Development of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug - Yugra" (project № 17-11-86005 from 15.03.2017).

Появление категории «спецпереселенцы» явилось следствием внутренней политики СССР в 1930-1950-х гг. Изучение условий жизни и использования труда спецпереселенцев позволяет проследить их роль в создании промышленного потенциала СССР в отдаленных районах с суровыми климатическими условиями.

Целью данного исследования является анализ хозяйственно-бытовой жизни спецпереселенцев на территории Ханты-Мансийского автономного округа - Югры: показать основные проблемы, жилищные условия, медицинское обслуживание и пр.

Источниковая база исследования достаточно разнообразна и представлена архивными документами, документами музейных фондов и др.

При использовании различных подходов и способов изучения темы данного исследования был сделан акцент на междисциплинарных методах исследования. Одним из главных методологических принципов исследования стал принцип объективности, предполагающий различие объективных свойств явлений и их субъективной оценки, анализ фактов с точки зрения их закономерностей, исключение личных пристрастий исследователя к выводам.

По мнению В.Г. Косачева, «массовые репрессии против крестьянства были запрограммированы» еще во время поездки И.В. Сталина в Сибирь: «именно здесь, на сибирской земле, на практике отрабатывались пути и методы грядущей коллективизации... отрабатывалась система чрезвычайных мер - глубокого административного нажима на крестьянство» [1, с. 105].

В январе 1930 г. начнет действовать комиссия во главе с секретарем ЦК В.М. Молотовым, которая должна разработать «методы и формы реализации политики раскулачивания». Итогом станет проект постановления Политбюро ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации», а Московский обком ВКП(б) примет постановление о ликвидации кулачества, согласно которому «устанавливалась численность кулацких хозяйств первой (отправка в концлагерь) и второй категории, а также давалась разрядка по этим категориям по округам». Выселение кулацких семей второй категории планировалось производить в период с 15 февраля по 15 апреля 1930 г. Отнесенные к третьей категории, вместе с членами семей первой и второй категорий (при условии согласия райисполкомов), подлежали расселению небольшими поселками по 20-40 дворов. 1 февраля 1930 г. выходит постановление ЦИК (Центральный исполнительный комитет) и СНК (Совет народных комиссаров) «О мерах по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством» [2].

Процесс репрессий определялся инструкцией ЦИК и СНК СССР от 4 февраля 1930 г. и секретным приказом ОГПУ № 44/21 от 2 февраля 1930 г. Решающую роль в проведении данного мероприятия сыграли органы ОГПУ СССР. Всех раскулаченных и депортированных органами ОГПУ в отдаленные регионы СССР называли до апреля 1933 г. «спецпереселенцами», с 1933 по 1944 гг. - «трудпоселенцами», с марта 1944 г. им вернули название «спецпереселенцы» [3, с. 151].

Термин «враг народа» в законодательном акте впервые будет использован только в августе 1932 г. в постановлении ЦИК и СНК СССР «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперативов и укреплении общественной (социалистической) собственности» [4, с. 583-584].

До мая 1930 г. предполагалось выселить около 70 тыс. семей на Урал, в Сибирь и Казахстан, но Г.Г. Ягода в директиве полномочному представителю ОГПУ (Объединенное государственное политическое управление) Северного края сообщал о том, что «в связи с

изменением сроков операции на Вашу территорию намечено выселение сорока пяти тысяч кулацких семейств, регулярно на протяжении трех месяцев: февраль, март, апрель; количество, время прибытия эшелонов будет сообщено дополнительно. Подготовительную работу к приему, расселению продолжайте, исходя из указанной цифры» [5, с. 158].

В конце декабря 1930 г. И.В. Сталиным будет сказано: «Теперь мы имеем возможность повести решительное наступление на кулачество, сломить его сопротивление, ликвидировать его как класс и заменить его производство производством колхозов и совхозов» [6, с. 146; 7, с. 170].

Почему так спешили с выселением? Ответ на этот вопрос прозвучал на одном из закрытых заседаний Уралоблисполкома: «...выселение производится при неременном условии, что выселенцы на новом месте уже в текущую сельхозкампанию будут иметь возможность приступить к засеву яровых культур...» [8, с. 91].

Таким образом, спецпереселенцев предполагалось использовать в качестве рабочей силы на лесозаготовках, рыбодобыче, на каменоломнях, торфоразработках, кирпичных заводах и т.д.

По данным ОГПУ на апрель 1932 г., на территории Ханты-Мансийского автономного округа находилось 6459 семей спецпереселенцев: 30 243 чел., которые распределялись по районам следующим образом: Кондинский - 3 241 чел.; Самаровский - 6 151 чел.; Сургутский - 8 812 чел.; Шурышкарский - 1 468 чел.; Берёзовский - 10 544 человека [8, с. 234].

Еще 1 апреля 1930 г. для организации спецпоселений была создана специальная секретная комиссия под председательством В.В. Шмидта. До июня 1931 г. расселением, трудоустройством спецпереселенцев и другими вопросами занимались областные исполкомы, с 1 июля эти функции будут переданы ОГПУ, которые имели следующую структуру [9, с. 55]:

- 1) поселковые комендатуры;
- 2) участковые и районные комендатуры;
- 3) отделы по спецпереселенцам ПП ОГПУ.

Для жилья были разработаны специальные бараки вместимостью 40 человек (стоимость барака по смете - 4 617 руб. 38 коп.). В Постановлении Коллегии Народного Комиссариата лесной промышленности СССР № 242 от 29.09.1933 г. указывается, что «...строительства тресты обязаны до 1 ноября 1933 г. закончить все новое строительство, провести ремонт всех старых помещений, вставить стекла, произвести ремонт печей, обеспечить при каждом бараке сушилки и отремонтировать старые, произвести дезинфекцию всех бараков, ввести внутреннюю обмазку бараков смесью глины с соломой с последующей побелкой, и подготовить дезинфекционные камеры для поддержания чистоты и опрятности в жилых помещениях» [ГБУТО ГАСПИТО. Ф.30. Оп.1. Д.965. Л.57-58].

Появляется новый тип населенных пунктов - спецпоселки, которые чаще всего строились самими спецпереселенцами. Создавались районные комендантские отделения, которые функционировали под контролем райисполкомов и соответствующих органов ОГПУ [9, с. 65].

Всех прибывших отправляли к коменданту, ставили на персональный учет, подвергали медицинскому освидетельствованию и разбивали на пять групп:

- группу «а» составляют способные к выполнению всяких физических работ;
- группу «б» - способные к выполнению только легких физических работ;
- группу «в» - неспособные к физическим работам, не могущие быть использованными на внутрипоселковых работах, легких кустарных промысла и сезонных тах - сборах грибов, ягод и др.;
- группу «г» - вовсе неспособные к труду;
- группу «д» - дети в возрасте до 16 лет [10].

В.В. Мошкин отмечал, что все спецпереселенцы были связаны круговой порукой, для чего поселки разбивались на участки (десятки, пятерки), во главе назначался старший - участковый, который нес ответственность за правопорядок и соблюдение трудовой дисциплины спецпереселенцами. В помощь участковым выбирались участковые исполнители. С глав семей брали расписки-обязательства о групповой и индивидуальной поруке. Все взрослые спецпереселенцы подписывали индивидуальное обязательство, в котором давали слово не противодействовать проведению мероприятий советской власти, вести себя спокойно, не устраивать побегов, не подстрекать к этому других, не держать огнестрельного оружия, своевременно сообщать местным властям обо всех нарушениях [9, с. 65-66].

За нарушение установленного режима предусматривались следующие наказания: «предупреждение; перевод на более тяжелые работы; высылка в более отдаленную местность с худшими климатическими и жилищно-бытовыми условиями; заключение в штрафную команду и денежные штрафы» [9, с. 67].

По мнению Е.А. Кирьянова, местные власти широко практиковали насилие. Имеются сведения о том, что «издевательства над переселенцами по своей дерзости не находят границ. Женщин и девушек насиловали, у спецпереселенцев отбирали вещи, деньги, продукты... Комендант приказывал бросать в воду работающих на сплаве... Для спецпереселенцев заранее изготавливали гробы, они стояли на виду у всех...» [6, с. 148; 11, с. 18].

Хозяйственно-бытовые условия жизни спецпереселенцев были невыносимо тяжелыми. С.В. Горшков и Н.Н. Попов отмечали, что «за отсутствием надлежащего питания, медицинского контроля и обслуживания большая часть спецпереселенцев, потерявшая трудоспособность, не могла обеспечить выполнение плана лесозаготовок, вследствие чего леспромхоз дал распоряжение о привлечении на лесозаготовки всех без исключения спецпереселенцев без различия пола и возраста, установив нормы выработки даже для детей 12-летнего возраста и стариков... по этой причине спецпереселенцы, дабы выполнить норму выработки, оставались для работы в лесу целыми сутками, где зачастую замерзали, обмороживались, подвергались массовым заболеваниям» [8, с. 234-235].

Сохранилось решение бюро Ханты-Мансийского окружкома ВКП(б), где утверждался план размещения завозимых переселенцев и предписывалось: «Обязать директоров рыбзаводов и председателей райисполкомов в каждом пункте подготовить временные помещения... произвести полную санитарную обработку переселенцев, организовать питание и транспорт для развоза переселенцев по пунктам поселений...» [8, с. 236].

На местах не справлялись с обеспечением спецпереселенцев всем необходимым, поэтому ОГПУ в августе 1931 г. разослало инструкцию «О порядке выдачи спецпереселенцам и погашения ими ссуд на лесохозяйственное освоение», которая предусматривала «выдачу спецпереселенцам средств на приобретение сельхозинвентаря, семян, рабочего и пользовательного скота» [8, с. 235].

Местные власти не смогли выполнить планы по строительству населенных пунктов для ссыльных: спецпереселенцы своими силами, в непривычных для них суровых климатических условиях, при отсутствии необходимых материалов и специалистов по строительству строили себе жилье. Первое время им приходилось ютиться в «примитивных землянках, по две-три семьи в одной комнате». По словам одного партийного руководителя, «рабочая сила вынуждена ходить в летний и зимний сезоны в рваных валенках, броднях и сапогах...» [8, с. 235].

Еще в 1931 г. в районах строительства спецпоселков отмечены следующие недостатки:

1. крайне низкая оплата труда спецпереселенцев по Сургутскому и Берёзовскому районам;
2. слабая организация рабочей силы, нераспорядительность администрации на местах;

3. отсутствие увязки в работе стройучастков с директорами комбинатов и промислов;
4. «не использованы все возможности к своевременной заброске стройматериалов на места постройки поселков, также слишком недостаточно проявлено инициативы к замене дефицитных стройматериалов материалами местными (кирпич, дверные, оконный приборы, глинобитные очаги и т.п.)».

По мнению Л.В. Алексеевой, «при организации районов расселения специально выбирались места, откуда в силу природных условий побег был бы весьма затруднительным... в поселках сосредотачивалось от 80 до 150 домов. Некоторые из спешно созданных поселков разбивались по стародедовскому типу деревень, вытянувшихся в одну линию до 1 км, другие возникали на месте юрт и были более компактны. Реже строились дома, чаще - бараки. Норма жилой площади в бараке составляла от 2,3 до 3,5 кв. м на человека. Однако на деле указанные нормы, особенно в первые год-два, почти не соблюдались. Невероятная теснота и, как следствие, эпидемии - характерная составляющая жизни обитателей барачных лет...» [12, с. 95-96].

О невыносимо тяжелой жизни спецпереселенцев в Самаровском (Ханты-Мансийском) районе свидетельствуют многочисленные документы, в том числе материалы от 4 октября 1932 г.: на заседании Остяко-Вогульского окружкома ВКП(б) был заслушан доклад «О результатах обследования бригадой ПП ОГПУ по Уралу о состоянии спецсылки» [8, с. 235].

Г.Г. Ягода отмечал, что «...особо тяжелым было положение спецпереселенцев, занятых в лесной промышленности... на почве недоедания мы имеем значительное количество заболеваний и повышенную смертность...» [12, с. 153].

В архивных фондах содержатся документы, свидетельствующие об этом положении спецпереселенцев. Например, «Акт проведения общественного смотра жилищно-бытовых условий и трудоустройства спецпереселенцев при колхозе им. «Микояна» Самаровского района Тюлинского сельского совета» [КУ «Государственный архив Югры». Ф.118. Оп.2. Д.11. Л.105-об.105] и «Акт обследования жилищно-бытовых условий ссыльнопоселенцев, завезенных в 1942 году, работающих в Самаровском консервном комбинате» [КУ «Государственный архив Югры». Ф.118. Оп.2. Д.2. Л.79-об.79].

Из документов нам становится известно, что в одном из барачных поселков Курья (Самаровского консервного комбината) на одного человека приходилось 2,4 м², что вынуждало есть стоя или на кроватях, в бараках была полная антисанитария: клопы и тараканы. В бараке была абсолютная тьма и отсутствовали дрова, для приготовления пищи была единственная печь, обогревающая барак [КУ «Государственный архив Югры». Ф.118. Оп.2. Д.2. Л.79].

Люди были вынуждены работать, стоя по несколько часов подряд в холодной воде, притом что повсеместно констатировалось «отсутствие теплой одежды и обуви» [КУ «Государственный архив Югры». Ф.118. Оп.2. Д.10. Л.об.101].

Врачи редко появлялись в бараках; чтобы получить помощь, спецпереселенцам необходимо было пройти несколько километров до медпункта, где часто отсутствовали самые необходимые медикаменты [КУ «Государственный архив Югры». Ф.118. Оп.2. Д.18. Л.73; Д.23. Л.об.3].

Власти стремились как можно быстрее распределить всех детей спецпереселенцев дошкольного возраста в детские сады и ясли [КУ «Государственный архив Югры». Ф.118. Оп.2. Д.10. Л.88], а детей школьного возраста в обязательном порядке ставили на учет и отправляли в школу [КУ «Государственный архив Югры». Ф.118. Оп.2. Д.11. Л.105]. Это было сделано в целях освобождения части переселенцев, в частности женщин, от ухода за ребенком для их полного трудового использования.

Есть сведения, что в Микояновском (Октябрьском) районе в год на одного человека выделялись: «картофель - 120 кг; овощи сухие (морковь, свекла) - 45 кг; овощи соленные - 90 кг» [ГБУТО ГАСПИТО. Ф.239. Оп.1. Д.57. Л.9].

Рабочим в столовых предлагался обед, состоявший из двух блюд: картофель (150 гр.) и корнеплоды (50 гр.) или картофель (250 гр.), корнеплоды (50 гр.) и капуста (120 гр.) [ГБУТО ГАСПИТО. Ф.239. Оп.1. Д.56. Л.7].

А.С. Иванов в своих исследованиях приводит пример проживания в спецпоселениях калмыков: «...калмыков расселили по баракам... Они использовались в качестве рабочей силы на рыбалке и при обработке рыбы. Часть калмыков отправили по колхозам, но не везде их могли обеспечить работой. В колхозе им. Дорониной, где было 5 семей спецпереселенцев, люди не работали нигде, продуктами питания не снабжались, в результате чего 5 человек из 17 вспухли от голода. Такое же положение было в деревне Луговая... В деревне Рачево (колхоз «1-го Мая») 21 человек был расселен в 2-х квартирах, что создавало тяжелые жилищно-бытовые условия... Продуктами питания все калмыки снабжались через кооперацию по продовольственным карточкам...» [13, с. 69].

По мнению Н.И. Загороднюк, спецпереселенцы внесли значительный вклад в развитие почти всех отраслей промышленности и сельского хозяйства Северного края: принесли с собой опыт обработки земли, агрономические знания в условиях тайги и лесотундры и стали одними из тех, кто активно занимался сельскохозяйственными опытами [14, с. 241-243].

Тяжелые экономические условия, в которых оказались ссыльные, заставили их уже в 1931 г. заняться огородничеством. В 1933 г. в округе организуются молочно-овощные совхозы. Тогда же были созданы районные союзы рыболовецких потребительских обществ, которые организовывали оптовую и розничную торговлю, заготовку сельскохозяйственных продуктов, создавали систему общественного питания, курировали строительство и транспортные перевозки. Наблюдается рост кустарных производств, делавших предметы общехозяйственного назначения (лодки, бочки, телеги, смолу, деготь, клепки и прочее) [14].

Так, в архиве Ханты-Мансийского автономного округа - Югры обнаружены документы, характеризующие начало истории Белогорского лесозавода: первоначально преобладал ручной труд, но укладка леса в штабеля, погрузка барж требовали много физических сил. В 1936-1938 гг. сюда были привезены станки: «лесорама, двойной обрезной станок имени Чичерина, строительный четырехступенчатый станок "Пролетарская свобода", маятниковые пилы им. Кагановича, ленточная пила "Кировский металлист", торцовый горизонтальный станок Тюменского завода, фуговальный станок им. Кагановича, локомотив ЛМУП» [КУ «Государственный архив Югры». Ф.222. Оп.1. Д. 1, 4, 9, 19.].

Аналогичное положение спецпереселенцев было на всей территории округа. Отношение властей к ним за четверть века почти не изменилось, хотя их положение стало меняться к лучшему. С 1934 г. началось восстановление спецпереселенцев в гражданских правах, первоначально только «ударников производства». В 1935 г. для спецпереселенцев была установлена семидневная рабочая неделя, а в 1947 г. была упразднена карточная система. С 1954 г. были сняты «некоторые ограничения в правовом отношении спецпереселенцев» [15].

Таким образом, массовое переселение десятков тысяч людей привело к изменению демографической ситуации и социальной структуры общества. Трудом спецпереселенцев была создана основа для дальнейшего хозяйственного освоения региона: были построены более двух десятков новых населенных пунктов, получила развитие социальная база, сложилась система промышленного освоения природных ресурсов (рыбзаводы, ЛПХ, колхозы и совхозы). Так было положено начало комплексному освоению региона.

На территории Ханты-Мансийского автономного округа - Югры в исследуемый период была создана централизованная система управления спецпереселенцами, которая осуществлялась сверху вниз: областная комендатура - районная комендатура - комендант поселка - участковый. Условия хозяйственно-бытовой жизни спецпереселенцев были крайне тяжелыми: многие жили в землянках, непригодных к зимним условиям бараках, складах, помещениях для скота, сельских клубах и т.д. На здоровье спецпересе-

ленцев сказывался суровый климат, плохое медико-санитарное обслуживание, тяжелый физический труд и скудное питание. Нередко проявлялось враждебное отношение к ним значительной части руководителей всех уровней, воспринимавших спецпереселенцев как «чужих», «изгоев» или «врагов».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Косачев В.Г. Накануне коллективизации. Поездка И.В. Сталина в Сибирь / В.Г. Косачев // Вопросы истории. - 1998. - №5.
2. «О мерах по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством» <http://www.defree.ru/publications/p01/p40.htm> (Дата обращения: 20.03.2015).
3. Шашков В.Я. К вопросу о выселении раскулаченных семей в северный край. 1930-1933 годы / В.Я. Шашков // Отечественная история. - 1996. - № 1.
4. Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР. - М., 1932. - № 62.
5. Козлов С.С., Шашков В.Я. Спецпереселенцы на защите Отечества / С.С. Козлов, В.Я. Шашков // Вопросы истории. - 2005. - № 5.
6. Кирьянова Е.А. Раскулачивание крестьянства Центра России в начале 1930-х годов / Е.А. Кирьянова // Вопросы истории. - 2006. - № 5.
7. Сталин И.В. Сочинения. - М., 1949. - Т. 12.
8. Горшков С.В., Попов Н.Н. Советская ссылка на Обь-Иртышском Севере: 1920-1960-е гг. / С.В. Горшков, Н.Н. Попов // Русские старожилы. Материалы III Сиб. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири»: 11-13 декабря 2000 г. - Тобольск-Омск: ОмГПУ, 2000.
9. Мошкин В.В. Ссылка крестьян на Север в 1930-1933 гг. (на материалах Ханты-Мансийского автономного округа) / В.В. Мошкин. - Нижневартовск: НГГУ, 2009.
10. Мартюшева Ф.И. Жертвы и палачи. - Екатеринбург, 1997.
11. Патранова В.В. Они, несомненно, умрут // Новости Югры. - 2006. 25-31 мая (№ 56).
12. Алексеева Л.В. Ханты-Мансийский автономный округ в первое десятилетие: декабрь 1930 г. - июнь 1941 г.: Монография. - Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2008.
13. Иванов А.С. Повседневная жизнь спец(ссылно)поселенцев в 1942-1943 гг. на Югорской земле (по материалам актов «Общественных смотров») / А. С. Иванов // Актуальные вопросы истории Западной Сибири: Сб. науч. ст. - Сургут: СурГУ, 2008.
14. Загороднюк Н.И. Спецпереселенцы: социэтнический аспект [Тобольский округ Уральской области. 30-е гг. XX в.] / Н.И. Загороднюк // Русские старожилы: Материалы III Сиб. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири»: Тобольск, 11-13 дек. 2000 г. - Тобольск, 2000.
15. Исчезнувшие, но не забытые (исчезнувшие поселения в окрестностях Нягани): Краеведческий сборник / сост. Н.А. Крюкова; отв. за вып. М.А. Ларина. - Екатеринбург: Аверс-пресс, 2013.

REFERENCES

1. Kosachev V. G. Before the collectivisation. Stalin's trip to Siberia. V. G. Kosachev Questions of history. 1998. № 5.
2. Available at: <http://www.defree.ru/publications/p01/p40.htm> (date of appeal 20.03.2015 г.).
3. Shashkov V. Y. To the question of eviction of the dispossessed families in the Northern territory. 1930-1933/ V. J. Shashkov. National history. 1996. № 1.
4. Collection of laws and orders of the workers 'and peasants' government of the USSR. M., 1932. № 62.
5. Kozlov S. S., Shashkov, V. Y. Settlers on the defense of the Fatherland. S. S. Kozlov, V. Y. Shashkov. Questions of history. 2005. № 5.
6. Kiryanova, E. A., The dispossession of the peasantry of Central Russia in the early 1930-ies. E. A. Kiryanova. Questions of history. 2006. № 5.
7. Stalin I. V. Essays. M., 1949. Vol. 12.
8. Gorshkov S. V., Popov N. N. Soviet deportations to the Ob-Irtysh North: 1920s-1960s / S. V. Gorshkov, N. N. Popov. Russian old-timers. Materials of the III Siberian Symposium on the Cultural heritage of peoples of Western Siberia: 11-13 December 2000 Tobolsk - Omsk: OmGPU, 2000.

9. Moshkin V. V. Deportations of peasants to the North in 1930-1933 (on materials of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug). V. Moshkin. Nizhnevartovsk: NGGU, 2009.
10. Martyusheva F.I. Victims and the executioners. Ekaterinburg, 1997.
11. /Patrakova V. They will, surely, die. News of Ugra. 2006. May 25-31 (№ 56).
12. Alekseeva L. V. Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug in the first decade: December 1930 - June 1941: monograph. Khanty-Mansiysk: Polygraphist, 2008.
13. Ivanov A. S. Daily life of specially deported settlers in 1942-1943 on Ugra land (according to the acts of "Public events"). Ivanov, A. Actual problems of the history of Western Siberia : collection of scientific works. Surgut: SurGU, 2008.
14. Zagorodnyuk N. I. Special settlers: socio-ethnic aspect [Tobolsk district of the Ural region. 30-ies of XX century]. N. I. Zagorodnyuk . Russian old-timers: Materials of the third Siberian symposium "Cultural heritage of the peoples of the Western Siberia" (Tobolsk, Dec 11-13. 2000). Tobolsk, 2000.
15. Disappeared, but not forgotten (disappeared settlements in the suburbs of Nyagan): Local history collection. composed by N.A. Kryukova; responsible for the work M. A. Larin. Ekaterinburg: Avers-Press, 2013.

Информация об авторе:

Харина Наталья Сергеевна кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории, философии и права, Югорский государственный университет,
г. Ханты-Мансийск, Россия
HaNaSe83@yandex.ru

Получена: 03.10.2018

Information about the author:

Natalya S. Kharina, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History, Philosophy and Law, Yugra State University,
Khanty-Mansiysk, Russia
HaNaSe83@yandex.ru

Received: 03.10.2018